

Васильева Т. И.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА Л. И. БОРОДИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 34-36. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

утрата повысила роль перфекта как более универсального и грамматизованного средства выражения законченности действия и способствовала его распространению. В литературе отмечается обилие перфектных форм в северных диалектах, где разрушение префиксации шло ускоренными темпами под влиянием смешения со скандинавскими говорами. Это может свидетельствовать об определенной связи этих явлений - о возможной компенсации утрат одного уровня средствами другого, но связь эту нельзя преувеличивать.

Можно заметить, что в среднеанглийский период перфектным формам, с одной стороны, было свойственно полусвободное варьирование с неперфектными формами, подобное имевшемуся в древнеанглийском, с другой - у них появилось собственное, специфическое назначение - выражать предшествующее действие, соотношенное с последующей ситуацией и не прикрепленное к какой-либо временной точке в прошлом. По-видимому, в среднеанглийском между рядами перфектных и неперфектных форм существовали два варианта отношений: одна оппозиция проходила по категории времени, причем в сфере прошедшего, как и раньше, было несколько синонимических форм - претерит, перфект прошедшего и настоящего времени - с разными дополнительными семами: законченность, предшествование, соотношенность с последующей ситуацией, действие в ряду последовательных прошлых действий, постоянный признак и т.д. Новая категориальная оппозиция, представленная пока еще вариантами значений и сосуществующая с оппозицией по времени - это оппозиция по временной отнесенности. В XIV в. эти два варианта глагольной системы сосуществуют, что и проявляется в семантическом варьировании форм, с преобладанием первого варианта. В XVI-XVII вв. в произведениях В. Шекспира и его современников употребление перфектных форм заметно изменилось. Из двух вариантов системы оппозиций господствует второй.

Списки значений, приписываемые перфекту настоящего времени в ранненовоанглийском с глаголами разной семантики, в общем, соответствуют современным. Перфект прошедшего времени - значительно более редкая форма у Шекспира - тоже может передавать свойственные ему сейчас значения: "The day had broke before we parted."

Большая, по сравнению с современным, свобода варьирования перфектных и неперфектных форм во времена Шекспира и даже их некоторая взаимозаменяемость отражает характерные черты формирующегося литературного языка того времени и специфику языковой ситуации. Общеизвестно, что литературный язык эпохи Шекспира отличался широким диапазоном варьирования на всех лингвистических уровнях, включая грамматический.

Таким образом, можно считать, что аналитическая форма перфекта сложилась к XIV веку, то есть завершилась ее грамматизация, а новая глагольная категория, которая возникла в процессе парадигматизации перфекта, сформировалась во времена Шекспира. Нормы употребления этих форм стали более строгими в XVII-XVIII вв. когда улучшение и исправление языка стало заботой многих филологов и грамматистов.

Список использованной литературы

1. Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. - М.: Высшая школа, 1973. - 384 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Издательство иностранной литературы, 1958. - 400 с.
3. Ильиш Б.А. История английского языка. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. - 368 с.
4. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. - М.: УРСС, 2003. - 168 с.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА Л. И. БОРОДИНА

Васильева Т. И.

Магнитогорский государственный университет

В конце XX века в русской литературе появилось огромное количество произведений, носящих исповедально-биографический характер: мемуары А.И. Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания», «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни», повесть А.А. Кима «Мое прошлое», мемуары С.Ю. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия». Такое обращение к своему прошлому закономерно, ибо рубеж веков, уже стабилизирующиеся процессы в политике, экономике и общественной жизни России, позволили целостно осмыслить художникам уходящую эпоху, определив и свое место в ней, тем более что возраст названных авторов предполагает определенное подведение итогов жизни. Хотя появляются автобиографии и достаточно молодых писателей (например, Р. Сенчина, В. Попова), призванные скорее показать собственную уникальность, значимость в современной литературе, чем раскрыть историю становления своей души и дать анализ «своего» времени.

На автобиографичность прозы автора старшего поколения Л.И. Бородина не раз обращали внимание в своих исследованиях И. Штокман, Т. Рябова, Л. Нестерова. Практически в каждом произведении писателя обнаруживаются герои, наделенные авторскими чертами, события, связанные с теми, что пережил сам художник. Во многих текстах исповедальность усиливается за счет моносубъектности повествования центральным персонажем, близким по своему мироощущению автору. В последние же десятилетия Л.И. Бородин напрямую обращается к мемуарным жанрам, осмысливая свою судьбу, судьбу своего поколения, Родины.

Первое автобиографическое повествование «Перечитывая норильский дневник» (1994) в четырех частях рассказывает о жизни писателя в 1950-е годы. Предваряет «Норильский дневник» предисловие о том, что из

двух разновидностей дневников: написанных и ведомых, - данный относится к первым, «сочинительским». На самом деле, каждая глава дневника - самостоятельное произведение, со своим сюжетом, героями, продуманной композицией, несет определенную идею, раскрывает характер повествователя. В «Норильском дневнике» писатель показал по-своему уникальное изобретение коммунистов - строительство социализма заключенными, многие из которых не принимали новый строй, а также энтузиастов, подобных самому автору, готовых отдать лучшие годы жизни на процветание Родины. Эти «уроки жизни» послужили Л.И. Бородину толчком к глубокому самоанализу и осмыслению реального состояния государства, приведших будущего писателя к новым жизненным позициям.

Следующим произведением Л.И. Бородина автобиографического характера, появившимся в 1997 году, стал своеобразный цикл рассказов под общим названием «Инстинкт памяти», в котором писатель обращается к лагерной теме. Как и война, лагерь в бородинских текстах обостряет ситуацию проверки человека на состоятельность. Рассказам свойственен философско-лирический тон, связанный с двумя потоками повествования: «мифологии» о героях-заключенных и размышления автора о смысле жизни. Каждый из трех рассказов «Инстинкта памяти» Л.И. Бородина представляет «миф» - судьбу заключенного: Сайка, медбрата семнадцатого лагпункта, Сан Саныча. Эти персонажи списаны автором с реальных лиц, с которыми свела его судьба в заключениях, люди самобытные, с неординарными, но в то же время типичными судьбами. Каждый человек для писателя - загадка, и за эту тайну, глубину которой до конца невозможно увидеть, он уважает своих героев.

Сайк, Мыльников, Сан Саныч вынуждены скрывать свой богатый, подчас очень ранимый душевный мир под маской посредственности. И эти маски снимает автор, изображая отдельные, незначительные по своему масштабу в жизни человека, эпизоды. Главенствующую роль в раскрытии характеров персонажей играют диалоги, в которых заключенные высказывают свои мировоззренческие позиции. Портретная характеристика персонажа складывается из какой-либо одной выразительной черты, определяющей восприятие человека окружающими. Такими импрессионистическими мазками создает Л. Бородин «миф» о своем герое. И боль его связана со жгучими вопросами: за что ломались судьбы таких необычных личностей? Какое место они оставили в истории всего человечества? В чем логика жизненного пути человека? Каждый из рассказов включает многочисленные лирические отступления о жизни и смерти, памяти и забвении. Автор как бы «отталкивается» от судьбы своего героя, чтобы задать вопросы самому себе, заглянуть в свой внутренний мир, переосмыслив свои отношения к людям, к прошлому, к жизни. Позиция автора в «Инстинкте памяти» открыта, некоторая публицистичность повествования делает стиль легким и проникновенным. Память становится ключевым концептом последних бородинских произведений. Инстинкт памяти не сильнее инстинкта жизни, но в какой-то мере, создавая квазимир, удлинняет ее, ибо полное забвение человека и является его смертью. И в 2003 году Л.И. Бородин пишет монументальное автобиографическое повествование «Без выбора».

Произведение отличается своим образным языком, многочисленными философскими и лирическими отступлениями, переплетением разных временных пластов. Л.И. Бородин конструирует себя-прошлого в соответствии с представлениями себя-настоящего. Этот взгляд на себя-прошлого довольно ироничен, самокритичен, обнаруживающий свои недостатки, но и объективно раскрывающий за ними достоинства. На первом плане отнюдь не писательская жизнь, а жизнь общественная: участие во Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа, два срока, попытка разобраться в сегодняшней смуте. Основной пафос повествования - любовь к Родине, рвение за ее будущее, готовность до конца служить Отчизне. Очень часто Л.И. Бородин говорит от лица своего поколения, той среды, к которой он принадлежал. Сам художник определяет задачу своего произведения следующим образом: «Главная цель сего писания - не автобиография, но попытка определения причин той трагедии, что произошла со страной. То есть - как я понимал эти причины, как соотносились мои личные действия и поступки с этим пониманием» [Бородин 2003: 103]. Название автобиографического повествования «Без выбора» очень символично: писатель постоянно говорит о предопределенности его жизненного пути. Но в этой «безвыборности» четко прослеживаются жизненные принципы Л.И. Бородина, определявшие тот или иной выбор.

Леонид Бородин полемизирует с позицией Станислава Куняева, представленной в его мемуарах «Поэзия. Судьба. Россия». Отдавая должное откровению, с которым С.Ю. Куняев поведал о «смятенном» сознании интеллигента рубежа эпох, Л.И. Бородин не согласен с автором по многим положениям. И, прежде всего, по отношению к коммунистическому прошлому, которое С.Ю. Куняев воспекает, в отличие от настоящего. Стремление к реальному отображению событий в данном повествовательном слое выводит на первый план документальное начало, которое оказывается доказательством правдоподобности изображаемого писателем бытия. Л.И. Бородин остается верен своим принципам, достаточно объективно оценивая произошедшее со страной и ее народом, при этом не стыдится признаний в своих «слабостях», рассказывая о «личной смуте», о страхе «второго срока» и собственном «искушении уходом», об отношениях с близкими.

В повествовании выделяются четыре части: «Русские мальчики», «Уроки лагерного бытия», «Спор», «Счастье». Названия частей отражают основные понятия, которые определили жизненный опыт писателя в тот или иной период. Части повествования по-разному эмоционально окрашены: восторженно, иронично рассказывает автор о детстве и молодости; горячо, романтично - о первых своих питерских годах общественно-политической деятельности; как о важном опыте жизни - о первом сроке; критично - о периоде между сроками; как об испытании на прочность - о втором заключении; с болью, горячо и категорично - о

«русской смуте» 1990-х гг.; ностальгически-лирично, заслуженно достойно - подводя жизненные итоги. Благо Российского государства и его народа - самое важное для писателя, и с каждой страницей все сильнее ощущается боль автора за будущее Родины, все категоричней осуждения западников, социалистов, сознательно или несознательно ведущих государство к развалу.

В произведении можно выделить несколько смысловых центров: личная жизнь, диссидентство как явление, деятельность КГБ, писательство, судьбы зеков, судьба государства, философские наблюдения. Все линии повествования неразрывно переплетены. Память историческая неразрывна с автобиографической, становясь определяющим концептом художественного мира писателя. Л.И. Бородин поддается течению памяти, возникающим ассоциациям. Он как бы пытается найти логику судьбы своей и судьбы Родины. События разных лет порой связываются в смысловые узлы, которые были определяющими на том или ином жизненном этапе писателя. На первом плане повествования оказываются не события личной жизни писателя, а судьба человека, неразрывно связывающего себя с Родиной. Взаимодействие автобиографической памяти с историческим сознанием позволяют выйти художнику на высокий уровень обобщения. Сосуществование различных проявлений авторского «Я» делает произведение многозначным и идейно насыщенным. Автобиографическое повествование «Без выбора» Л.И. Бородина представляет сложное художественное образование, в котором отражены не только личность писателя, но и время, его герои, философские и литературные споры современной России, ее история.

Список использованной литературы

1. **Бородин Л. И.** Без выбора: Автобиографическое повествование / Л. И. Бородин. - М.: Молодая гвардия, 2003.
2. **Бородин Л. И.** Инстинкт памяти: Рассказы: Сайк. Медбрat 17-го лагпункта. Сан Саныч / Л. И. Бородин // Юность. - 1997. - № 4. - С. 32-60.
3. **Бородин Л. И.** Перечитывая норильский дневник / Л. И. Бородин // Москва. - 1994. - № 6-7.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ОЦЕНКИ

Выгузова Е. Ю.

Тамбовский государственный технический университет

В современной лингвистике существует большое количество подходов к оценке. Многие авторы, в основном, рассматривают исключительно феномен оценки и в меньшей степени актуализируют проблемы того, что именно оценивается. Другими словами, само оцениваемое находится «за кадром оценки». В статье мы попытаемся определить содержание оцениваемой ситуации (объект языковой оценки) и целый ряд методологических особенностей, учитываемых при его анализе (этапы оценки ситуации).

Экономическая информация, которую собирают и обрабатывают конкретные люди для определённых групп читателей не может в полной степени быть объективной. Читатель, адресат всегда получает ту или иную интерпретацию экономической информации. Как известно, проблемы авторской оценки и вопросы определения её позиции (роли) в диалоге «автор-читатель» нашли яркое отражение в исследованиях М. М. Бахтина. Согласно его идеям, в мире существуют, «господствуют» только жанры, которые проявляются в конкретных ситуациях. По мнению учёного, материей для всего жанрового разнообразия речи служит не слово, не предложение, не текст, а именно высказывание как единственная продуктивная языковая единица. По М. Бахтину, высказывание не может быть безымянным и безответным. Динамика речевой деятельности выражается единственным принципом - любое высказывание имеет адресата и всегда рассчитано на ответное высказывание. В этом свете особую роль начинает играть понятие дискурса.

Актуализация прагматического компонента речевой деятельности, предпринятая М. Бахтиным, наглядно высветила ряд до конца нерешённых проблем современной лингвистики. В данной статье мы рассмотрим лишь две из них, а именно:

(1) оценочный компонент ситуации высказывания в зависимости от имеющегося (в нашем случае, экономического) дискурса;

(2) речежанровую принадлежность оценочного компонента ситуации.

В первом случае мы имеем экономическую ситуацию, которая представляется как текст СМИ и тем самым объективируется в глазах получателя экономической информации. Другими словами, то или иное конкретное высказывание об экономических процессах в современном обществе всегда будет являться экономической ситуацией. Согласно данному подходу, слово - это лишь скомпрессированное высказывание или «особым родом скомпрессированный текст». Исходя из такого понимания, скомпрессированное в том или ином дискурсе высказывание будет являться тем или иным дискурсивным словом. Можно предположить необходимость разработки совершенно нового понятия - понятия дискурсивного слова. Это может быть слово любого предметно-исследовательского поля, например, дискурсивное слово религии - религиозное слово, дискурсивное слово русского языка - филологическое слово. Следует подчеркнуть, что это не «понятия» и не «термины» как таковые, а именно носители и модификаторы высказывания того или иного предметного дискурса. Таким образом, основным носителем экономического дискурса является экономическое слово, а экономическая ситуация становится текстом, состоящим из экономических слов. Исходя из вышесказанного, анализ экономической ситуации становится анализом текста.